

Семенова Д.А., соискатель кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия)

ДИНАМИКА ВОВЛЕЧЁННОСТИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В САР

На основе изучения посредством исторических методов российско-сирийских отношений, позиции России по вопросам противодействия терроризму, геополитических аспектов российско-сирийского взаимодействия, а также действий возглавляемой США западной коалиции в Сирии в статье проанализированы основные факторы мотивации России при принятии решений по изменению степени вовлечённости в сирийский кризис. Как до конца ноября 2024 г., в условиях «затухающего» конфликта, так и сегодня САР сталкивается с целым рядом неотложных и острых гуманитарных, социально-экономических проблем, сложностей в области безопасности. При этом уже с 2020 г. наблюдается некоторое «снижение профиля» России, что объяснялось преимущественно тем, что угроза существованию Сирии как государству отведена. С 7-8 декабря 2024 г., с момента падения власти Б.Асада, наблюдается резкое снижение степени российского участия в сирийских делах, однако Россия по-прежнему исходит из интересов собственной безопасности и ориентируется на ранее выработанные правовые основы сирийского урегулирования. На фоне ослабления российских позиций «на земле» вновь остра террористическая угроза, исходящая с сирийской территории, а также вызовы безопасности, связанные с сохранением российского присутствия в Сирии.

Ключевые слова: сирийский кризис, Сирия, Россия, Турция, Иран, США, борьба с терроризмом.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-109-123

Введение. Российское присутствие в Сирии и вооружённую борьбу с ИГИЛ принято рассматривать в контексте «спасения» правительства Б.Асада от свержения. Как представляется, такая точка зрения, распространённая в работах некоторых западных и ближневосточных авторов, не вполне корректна.

В сентябре 2015 г. незаконные вооружённые формирования сирийской оппозиции и террористические группировки находились на подступах к Дамаску. С точки зрения российского руководства, реальной была угроза падения сирийской столицы с последующим распадом страны. 30 сентября

2015 г. по просьбе сирийского правительства была начата операция российских воздушно-космических сил в САР, позволившая уже к середине 2016 г. отбросить боевиков и вернуть сирийскому правительству контроль над значительной частью территории страны. В декабре 2024 г. оппозиционным формированиям удалось захватить контроль над всей Сирией, что привело не только к концу 54-летнего правления Асадов, но и к кардинальной перебалансировке сил в Сирии.

Значимость представленного исследования обусловлена незавершённостью сирийского кризиса, а также террористической опасностью,

которая по-прежнему исходит с сирийской территории, что особенно заметно с декабря 2024 г., когда полуторанедельный «марш» сброшенных с террористами оппозиционеров завершился взятием Дамаска и свержением асадовской власти. Продолжающееся в этих условиях российское военное присутствие в Сирии – и его пока неопределённые перспективы – означает, что обстановка в САР требует особого внимания с точки зрения обеспечения безопасности и реализации интересов Российской Федерации – в том числе с учётом нахождения на сирийской земле сил других государств.

Научная новизна статьи заключается в выявлении новых вызовов для России в контексте прихода к власти в Сирии в декабре 2024 г. оппозиционных формирований и предложении путей их частичного купирования на основе комплексного рассмотрения роли России в урегулировании сирийского кризиса. Понимание динамики вовлечённости России в сирийский кризис может внести вклад в прогнозирование хода российско-сирийского диалога после 2024 г. и сохранения российского присутствия в Сирии, а также способствовать выявлению новых возможностей для России в ближневосточном регионе, что было бы полезно как исследователям, так и политикам.

Литература по тематике сирийского кризиса и российского участия в его урегулировании весьма обширна: вопрос находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей. В частности, в монографии Матвеева И.А. (2020), освещены долгосрочные и разноплановые социально-политические процессы в САР. В работе дипломата и исследователя М.С.Ходынской-Голенищевой (2019),

изучены вопросы многостороннего урегулирования сирийского кризиса, в т.ч. в рамках ООН, с опорой на документы заседаний и личный переговорный опыт. Российские исследователи, такие, как Иванов С.М. (2020) рассматривают стабилизацию обстановки в Сирии как один из компонентов укрепления безопасности на Ближнем Востоке. В то же время Поляков Д.С. (2023) анализирует гуманитарные и социально-экономические сложности, с которыми столкнулась Сирия в настоящее время. Сирийская тематика находит отражение и в работах ближневосточных экспертов, например, Daheshiar Н. и Heydari М. (2021). В своей статье анализируют российское присутствие в САР с точки зрения изменения баланса сил в регионе. Свой вклад в понимание сирийской проблематики вносят также американские и европейские эксперты, включая Roy А. (2013), пытающегося объяснить причины активного участия России в сирийском урегулировании через сравнение общественно-политических укладов РФ и САР, а также Cheriet Т. (2014), анализирующую российско-сирийские отношения к моменту начала «арабской весны» и на первом этапе сирийского кризиса.

Если ещё в октябре 2024 г. задача стабилизации военно-политической обстановки в САР представлялась в основном решённой, то события конца ноября – начала декабря 2024 г. показали хрупкость и «рыхлость» сирийских государственных институтов, недееспособность властей и армии, оказавшихся не готовыми оказать сопротивление радикалам даже при поддержке союзников (в частности, российские ракетные удары по позициям боевиков продолжались до конца дня 7

декабря 2024 г.). Не была проделана необходимая работа по борьбе с «джихадистским подпольем», нормализации ситуации «на внешнем контуре», преодолению гуманитарных последствий конфликта и созданию условий для полномасштабного постконфликтного восстановления страны. «Профиль» российского присутствия в Сирии претерпевает изменения, и в свете устранения правительства Б.Асада российскому руководству необходимо ответить на вопрос о целесообразности сохранения российского присутствия в Сирии. В случае заинтересованности в его сохранении поддержание вовлечённости требует 1) налаживания диалога с новыми сирийскими властями; 2) поддержания тесных контактов с заинтересованными государствами – прежде всего Турцией – и уже не в рамках астанинской «тройки», а, вероятно, на двусторонних треках.

Исследовательский вопрос: каковы вызовы для России в Сирии в первой половине 2025 г. и возможности сохранения российского присутствия в Сирии?

Гипотеза: мотивация России при принятии решений о вовлечённости в сирийский кризис и официальная позиция в его отношении остаётся стабильной: Россия исходит из масштабности угроз собственной национальной безопасности.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является политика России по урегулированию сирийского кризиса в 2015-2025 гг. При анализе ряда факторов – в частности, характеристике российско-сирийских отношений – необходимо обращение к более ранним событиям. В исследовании применяется комплекс ис-

торических методов изучения международных отношений. Анализ выстраивается в русле неореалистского взгляда на проблемы международных отношений, однако с учётом внимания, уделяемого институциональным и негосударственным акторам, используются элементы институционального подхода. Системный подход к изучению международных отношений позволяет рассматривать сирийский кризис как часть процессов регионального и мирового масштаба.

Результаты и их обсуждение. «Арабская весна» в 2011 г. ознаменовала новую волну активности радикальных исламистских группировок на Ближнем Востоке. В Сирии джихадисты набрали силу в 2012 г., когда антиправительственные протесты стали окрашены ещё и религиозными лозунгами [7, с. 82].

Формально с момента обретения независимости в 1946 г. Сирия развивалась как светское государство. Тем не менее, религиозный фактор никогда полностью не исчезал из её общественно-политической жизни. Особенно заметной его роль стала в 1990-х – 2000-х годах, когда по всей Сирии наблюдался настоящий «бум» открытия религиозных учебных заведений (включая медресе) и мечетей [6].

По мере интенсификации сирийского конфликта в 2012-2015 гг. активность радикальных исламистских группировок в Сирии возрастала. Поддержка, оказанная странами Запада т.н. «умеренной сирийской оппозиции», привела к тому, что в руках радикалов оказались современные средства вооруженного сопротивления [4, с. 56]. На фоне дестабилизации соседнего Ирака также сформировалась

«смычка» между собственно сирийскими боевиками и ИГИЛ. Уже в 2014 г. под контролем боевиков находились целые города и области в Ираке и Сирии, а также объекты критической инфраструктуры [19]. Велась планомерная работа по созданию **террористического квази-государства** с собственной идеологией [29], а летом 2015 г. террористы угрожали самому существованию САР как государства.

Это непосредственно затрагивало интересы Российской Федерации [5]. В случае победы разрозненных радикально настроенных группировок в сирийском конфликте, Сирия могла сравняться с Ливией по уровню нестабильности и исходящих от неё угроз. В частности, с учётом относительно благоприятных климатических условий, достаточно развитой инфраструктуры, запасов углеводородов Сирия могла бы превратиться в крупную «гавань» террористического «интернационала» и стать одним из основных источников его материальной подпитки. О реальности этой угрозы говорит то, насколько быстро иГИЛОВЦЫ смогли наладить продажи сирийской нефти на чёрном рынке в 2014-17 гг. [17, с. 4].

Приоритет отдавался политико-дипломатическим средствам урегулирования конфликта. При ведущей роли России и США был налажен т.н. женеvский переговорный процесс под эгидой ООН, сформирована Международная группа поддержки Сирии [16, с. 346-349]. На определенном этапе развития конфликта российское руководство, по-видимому, рассматривало и сценарий добровольного ухода Президента САР Б.Асада с политической авансены. Об этом, в частности, может свидетельствовать визит дирек-

тора Службы внешней разведки Российской Федерации М.Е.Фрадкова (совместно с министром иностранных дел России С.В.Лавровым), в ходе которого, по спекуляциям СМИ, эта возможность непосредственно обсуждалась с Б.Асадом [8].

Необходимость же применения силы для решения проблемы радикального исламизма и терроризма, как представляется, стала ясна российскому руководству, когда решения первых двух раундов женеvских переговоров не удавалось воплотить в жизнь, а радикальные исламисты оказались на подступах к Дамаску [18, с. 18]. Более того, иГИЛОВЦЫ угрожали и самой России: была налажена связь группировки с террористическими ячейками на Северном Кавказе – а в России, и у российского руководства в частности, свежа память не только о трагических терактах 2000-х гг., но и о чеченской войне (режим контртеррористической операции в Чечне был отменён лишь в 2009 г.). Террористические группировки, действовавшие в Сирии, успешно вербовали российских граждан, которые отправлялись воевать на стороне исламистов в САР: по заявлению МВД России от 17 марта 2016 г., в конце 2015 г. свыше 2,8 тыс. россиян примкнули к террористам в Сирии и Ираке, весной 2016 г. этот показатель достигал почти 3,5 тыс. человек.

Вместе с тем, уже в 2011-2012 гг. обеспокоенность Российской Федерации вызвала **позиция в отношении сирийского кризиса других, в т.ч. внерегиональных государств** [18, с. 7-8]. Так, США при поддержке союзников по НАТО добивались санкции СБ ООН на применение силы против сирийского правительства [14]. Это напоминало «ливийский сценарий» на

основе резолюции СБ ООН 1973 от 17 марта 2011 г., приведший к *de facto* распаду страны [12]. Россия блокировала попытку организовать вооруженное вмешательство в конфликт посредством ооновских инструментов [23, с. 799]. Страны региона (прежде всего, Саудовская Аравия и Катар) отметились поддержкой оппозиционеров [13], что также стабилизации сирийской обстановки не способствовало.

Деятельность других игроков по противодействию исламистской угрозе также была недостаточной. Созданная США в августе 2014 г. анти-игиловская коалиция в составе 87 участников [20], как представляется, действовала неэффективно и «вполсилы». Параллельно западный блок продолжал военно-полевую подготовку сирийских оппозиционеров как на территории САР, так и, например, в приграничье в Иордании. Более того, США пытались использовать коалицию для нейтрализации иранского присутствия в САР. Так, в 2018 г. США официально заявили о «пяти желаемых состояниях» («five end states») Сирии. В качестве одного из приоритетов был назван вывод из Сирии иранских и проиранских сил [21]. Это состояние достигнуто в результате победы оппозиционных группировок в декабре 2024 г.

Соображения собственно **российско-сирийских отношений** при принятии решения о начале операции ВКС России решающей роли не играли. Несмотря на ритмичное развитие двусторонних отношений в советское время, с 1991 г., с распадом СССР, диалог «просел». Возрождение полноформатного российско-сирийского сотрудничества произошло лишь в середине 2000-х годов [17, с. 2]. Взаимодействие, однако, не прерывалось по военно-технической

линии: сирийская армия нуждалась в поддержании годности ранее поставленных вооружений и военной техники советского производства.

Сирия, безусловно, сохраняла значимость для России с точки зрения **обеспечения военного присутствия** в Средиземноморье: в Тартусе находился 720-й пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМФ России, развёрнутый в 1983-1984 гг. [15, с. 146]. В начале 2000-х годов ПМТО пребывал в некотором запустении: постоянно в Тартусе находилось менее ста российских военных, однако уже к 2008 г. ПМТО был обновлён, а число российских военных советников превысило тысячу человек [22, с. 34].

Таким образом, вся совокупность различных факторов — от понимания масштабности террористической угрозы до активности возглавляемых США (введённых в Сирию без какого-либо согласия официальных властей) сил — послужила катализатором принятия российским руководством решения об участии в сирийских событиях и применении вооружённых сил непосредственно «на земле».

Ощутимых результатов удалось добиться менее чем за шесть месяцев операции российских ВКС: главные задачи, поставленные перед Министерством обороны России, были выполнены к 14 марта 2016 г., когда президент России В.В.Путин отдал приказ о выводе основной части российской воинской группировки из Сирии, а в декабре 2017 г. было заявлено о подавлении группировки ИГИЛ [2].

В результате действий российских военных существенный урон был нанесён экономической инфраструктуре, находившейся под контролем террористов: к декабрю 2015 г. были

поражены порядка семидесяти объектов нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отрасли, что ударило по крупнейшим источникам дохода игиловцев. Помимо ВКС, в операции был задействован ВМФ России: наносились ракетные удары из акватории Каспийского моря. Важно, что российские военные не только принимали непосредственное участие в боевых действиях, но и делились компетенциями с сирийскими коллегами. Сирийская армия в значительной степени экипирована вооружениями и военной техникой советского и российского производства, что облегчало их освоение, а также ремонт и модификацию в боевых условиях.

Успешные действия ВКС России позволили подтолкнуть политико-дипломатический процесс по урегулированию конфликта. Ведущую роль в этом сыграло налаживание трёхсторонней координации «на земле» между Россией, Турцией и Ираном. В частности, их диалог позволил добиться вывода боевиков из Алеппо в конце 2016 г. На основе этих контактов сформировался астанинский переговорный механизм, внесший реальный вклад в организацию прямых межсирийских переговоров и замирение противоборствующих сторон. Это способствовало снижению интенсивности боевых действий на большей части территории страны.

Незавершённость «замирения» в Идлибе и непроведённое размежевание оппозиционеров и террористов в конечном счёте стали причинами того, что накопившие силу боевики выстроили эффективные и хорошо подготовленные квази-вооружённые силы, в т.ч. с опорой на внешнюю поддержку и свергли законные сирийские власти в

декабре 2024 г. Контент-анализ сирийских новостных каналов – как общенациональных, так и местных – показывал, что в 2021-2024 гг. еженедельно в САР имели место всплески насилия и теракты, проявляют себя радикальные группировки разнообразного толка и масштаба [29]. В частности, новостное агентство «Сирия Ахр» регулярно публиковало материалы о нападениях, насилии, погромах, совершаемых не просто бандитами или хулиганами, но радикальными группировками [30].

На сегодняшний день сирийский кризис далёк от окончательного разрешения. Резкая перебалансировка сил в ноябре-декабре 2024 г. привела к тому, что победу в сирийском конфликте одержала одна из противоборствующих сторон: оппозиция. Однако это не означает, что процесс сирийского урегулирования завершён или более не востребован. С одной стороны, новые сирийские власти приступили к процессу восстановления государственных институтов Сирии (ведь со сменой властей институты как таковые не были разрушены: весьма яркий пример сирийских посольств и консульств по всему миру, которые в течение суток сменили флаги), получают поддержку со стороны населения (которому были предоставлены электроэнергия, вода и т.п.), а также от спонсоров извне. Вместе с тем сращенных с террористами (прежде всего с группировкой «Хайят Тахрир Аш-Шам» - ХТШ) оппозиционеров принимает не вся страна, а с учётом разнообразия этно-конфессионального состава сирийского населения и племенного фактора, важно обеспечить справедливую представленность в новых властных институтах всех заинтересованных

групп. По-прежнему важно стабилизировать обстановку на всей сирийской территории и не допустить новых вспышек конфликта, что будет непросто, ведь оппозиционные формирования разрозненны и уже ранее конкурировали между собой. Объединяющей целью для них было свержение Б.Асада. Теперь, когда она достигнута, может разгореться борьба за влияние в новой Сирии.

Таким образом, возникает вопрос о выстраивании урегулирования с участием внешних игроков и о том, кто из них готов выступить гарантом этого процесса. На новом витке эскалации очевидно, что формат астанинской «тройки» теперь не отражает реального соотношения сил «на земле» и способности участников механизма влиять на него. Усилились позиции Турции; Россия и Иран как соратники свергнутых сирийских властей, напротив, утратили инициативу в Сирии. Возросла роль в сирийских делах Израиля, который уже 8 декабря приступил к захвату сирийских территорий, в то время как ранее Сирия ощущала израильскую агрессию в основном в связи с обострением израильско-палестинского конфликта [3].

Для России приоритетной задачей видится защита – а при более благоприятном сценарии развития событий – сохранение **пунктов базирования российских военнослужащих** в Сирии: прежде всего порта Тартус и авиабазы Хмеймим. Под благоприятным сценарием в данном случае следует понимать действительно мирную передачу власти, прекращение (или существенное снижение) интенсивности насилия внутри страны и готовность пришедших к власти сил к диалогу с Россией. Важно также обеспечение

безопасности продолжающего функционировать российского посольства в Дамаске и других российских объектов. Часть пунктов в глубине сирийской территории (например, военные аэродромы: Тияс в Хомсе и близ г.Камышли в Хасеке), где находились российские военные (вместе с сирийскими), оставлена.

Сирия по-прежнему находится на грани **гуманитарной катастрофы**. Уже в 2023 г. до 90% сирийцев находились за чертой бедности, 70% населения (15,3 млн) нуждалось в предметах и услугах первой необходимости [9, 24]. Сирия подвергается инфляционным ударам, что было особенно ощутимо в 2023 г. С декабря 2022 г. до июня 2023 г. сирийский фунт по отношению к доллару США подешевел почти в два раза [10]. Из-за этого в августе 2023 г. власти были вынуждены нарастить зарплаты бюджетников и военных на 100% [1]. Дополнительное инфляционное давление связано с топливно-энергетическим комплексом. В свете относительно небольших объемов нефтедобычи САР по-прежнему зависит от поставок «чёрного золота» из-за границы [25, 28]. В упадке находится сельское хозяйство, что особенно опасно на фоне острой необходимости обеспечивать население продовольствием.

Международные усилия по управлению социально-экономической ситуации в стране недостаточны. План ООН по гуманитарной помощи Сирии на 2023 г. был профинансирован лишь на 41%, в 2024 г. – на 33,1% [24, 26], что стало самым низким показателем с 2011 г. (впрочем, полномасштабного финансирования План не получал долго: уже в 2019-2021 гг. показатели

колебались между 50-55% [27]). Многие государства на двусторонней основе направляют помощь сирийцам: значительные объёмы гуманитарных грузов поступали и из России, причём помощь оказывалась по модели «от государства к государству», гораздо менее масштабно – через фонды. В нынешних условиях, когда предыдущего диалогового партнёра в лице асадовского правительства нет, а полноценный диалог с новыми сирийскими властями не налажен, данное направление «пробуксовывает», однако Сирия заинтересована в том, чтобы продолжить получать гуманитарную помощь из России, а российские военные объекты – как и при Б.Асаде могут стать в данной работе опорными пунктами, т.к. российская гуманитарная помощь оказывается через военных и спасателей. Продолжение гуманитарной поддержки сирийцев, как представляется, вполне может стать одним из условий сохранения российских баз в новой Сирии.

Для России **террористическая угроза** остаётся одним из первостепенных вызовов. С 2022 г. Сирия занимала более скромное место в российской антитеррористической повестке дня, где на первый план вышли проблемы, связанные с Украиной [11]. Сирийская дестабилизация чревата обострением террористической угрозы как на внешних рубежах России (в частности, на пространстве СНГ), так и внутри страны, ведь на стороне радикалов воевало немало выходцев из России и сопредельных государств, которые готовы вернуться в страны «исхода».

Представляется, что в текущих условиях для России особенно важно поддерживать имеющиеся контакты со

всеми сирийскими группировками, пришедшими к власти и продолжать планомерный диалог относительно сохранения присутствия в Сирии на приемлемых условиях, а в случае его невозможности – прорабатывать сценарии выхода из САР без потерь. Гуманитарная проблематика может стать в данном контексте центральной. Кроме того, если российские гуманитарные усилия в Сирии пойдут на спад, очевидно, что нишу в области восстановления страны заполнят западные структуры.

Астанинский механизм сирийского урегулирования сегодня не отражает реального соотношения сил «на земле», а значит, для завершения сирийского урегулирования востребован новый формат с участием внешних игроков. Занять в нём центральное место Россия не сможет прежде всего в силу того, что к власти в Сирии пришли те, с кем вплоть до 7 декабря 2024 г. Россия боролась на поле боя. Однако с учётом сохранения основных посылов официальной российской позиции (прекращение боевых действий, опора урегулирования на резолюцию СБ ООН 2254 (2015), проведение выборов), их совпадения с тем, что декларируют страны региона и даже сами новые сирийские власти и наличия у российских дипломатов и военных контактов с сирийскими группировками, а также того, что Россия – внешний игрок на Ближнем Востоке, и её позиция странами региона воспринимается как менее ангажированная – не исключено привлечение России в новый процесс урегулирования в Сирии в качестве независимого посредника, который может способствовать налаживанию диалога между заинтересованными сторонами. Российский опыт

в рамках женевского и астанинского форматов урегулирования способен стать опорой для такой работы.

Заключение. Российское участие в вооружённом противодействии ИГИЛ, а также проактивная позиция, занятая Россией в урегулировании сирийского кризиса на политико-дипломатическом уровне способствовали стабилизации обстановки, купированию террористической угрозы, сохранению сирийской государственности. Некоторое перепрофилирование активности России в условиях «затухающего» конфликта в 2020-2024 гг. объяснялась прежде всего тем фактом, что – по сравнению с 2012-2016 гг. – отсутствовала прямая угроза существованию государства как со стороны террористов, так и со стороны вооружённой оппозиции или государственных оппонентов. Асадовская государственность, однако, не выстояла в силу неэффективности институтов и неготовности защитить себя, несмотря на российскую и иранскую поддержку.

В этой связи обостряется прежде всего террористическая угроза самой Российской Федерации (в силу присутствия в рядах боевиков российских граждан и граждан стран постсоветского пространства) – таким образом, вызовы 2012-2016 гг. вновь актуальны и требуют реакции. Вместе с тем несмотря на смещение оппозиционеров в Сирии с террористическими группировками (в т.ч. ХТШ), сегодня Россия имеет контакты с новой сирийской властью. Если последняя преуспееет в восстановлении государственных институтов и стабилизации обстановки в стране, продолжение российско-сирийских отношений может иметь конструктивное измерение.

В контексте продолжения сирийского урегулирования, стоит вопрос о роли России в формирующихся новых механизмах стабилизации обстановки. Эта роль не будет центральной, однако Россия способна занять равноудалённую позицию по отношению ко всем участникам процесса и выступать в качестве посредника-балансера. Подходы государств региона к сирийской ситуации по-прежнему имеют большое значение, а их готовность участвовать в сирийском урегулировании способна влиять на российскую позицию.

Ключевое значение имеет сохранение российского присутствия на сирийской территории: обеспечение безопасности Посольства в Дамаске, сохранение и защита военных баз (порт Тартус и авиабаза Хмеймим). «Увязкой» в переговорах о сохранении российского присутствия в Сирии может стать гуманитарная работа, ведь в условиях гуманитарного кризиса и экономического спада в Сирии Российская Федерация с 2012 г. стабильно оказывала гуманитарную помощь населению (в основном по линии Минобороны и МЧС). При должном уровне диалога с новыми властями и взаимного доверия гуманитарную работу – а Сирия заинтересована в получении помощи – возможно будет продолжить.

Вклад автора состоит в выявлении вызовов, стоящих сегодня перед Россией в контексте прихода к власти в Сирии в декабре 2024 г. разрозненных оппозиционных бывшему асадовскому правительству и частично террористических группировок. Основными вызовами являются террористическая угроза самой России; потенциальная дестабилизация обстановки на пространстве СНГ; сохранение присутствия России в Сирии: обеспечение

безопасности военных объектов, посольства в Дамаске и других пунктов российского присутствия в Сирии. В политико-дипломатическом измерении предстоит работа над тем, чтобы сохранить неангажированную позицию в многостороннем процессе сирийского урегулирования, конфигурация которого, в силу утраты влияния астанинского механизма, перестраивается.

В то же время есть потенциал для

сохранения неконъюнктурности российской линии в отношении сирийских событий. Опора официальной позиции России на резолюцию 2254 (2015), а также готовность России к контактам с новыми сирийскими властями создают возможность для дальнейшего участия в сирийском урегулировании и купировании по крайней мере части вызовов нового витка сирийской эскалации.

Список литературы

1. Асад подписал указ о надбавке 100% к зарплатам бюджетникам и военным. [Электронный ресурс]. ТАСС, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18526231> (дата обращения 09.07.2024).
2. Встреча с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу 14 марта 2016. [Электронный ресурс]. – Президент России, 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51511> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Выступление и.о. Постоянного представителя Д.А.Полянского на заседании СБ ООН по политической и гуманитарной ситуации в Сирии. [Электронный ресурс]. Постоянное представительство Российской Федерации при ООН, 2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/syria280824> (дата обращения 20.08.2024).
4. Иванов С.М. Урегулирование сирийского конфликта — важный шаг на пути к региональной стабильности. / С.М.Иванов // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64, № 11, с. 53-61.
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.10.2009). [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902180267> (дата обращения: 29.06.2024).
6. Кузнецов А.А. О роли исламистских группировок в гражданской войне в Сирии (2011-2014 гг.) [Электронный ресурс] / А.А.Кузнецов // Постсоветский материк. – 2015. - №2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-islamistskih-grupirovok-v-grazhdanskoj-vojne-v-sirii-2011-2014-gg> (дата обращения: 12.08.2024).
7. Матвеев И.А. Сирия в конфликте / И.А. Матвеев, отв. ред. Кузнецов В.А.; ФГБУН ИВ РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 496 с.
8. О визите Министра иностранных дел России С.В.Лаврова и Директора Службы внешней разведки России М.Е.Фрадкова в Дамаск. [Электронный ресурс]. - МИД России, 2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1653980/ (дата обращения: 12.08.2024).
9. Осуществление резолюций Совета Безопасности 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023). Доклад Генерального секретаря. S/2023/621. [Электронный ресурс]. Совет Безопасности ООН, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4020549?ln=en&v=pdf> (дата обращения 09.07.2024).

10. Поляков Д.С. Сирия в 2023 году: упадок и несбывшиеся надежды. [Электронный ресурс]. Российский совет по международным делам, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-v-2023-godu-upadok-i-nesbyvshiesya-nadezhdy/> (дата обращения 09.07.2024).
11. Путин поставил вопрос, почему террористы после «Крокуса» ехали на Украину [Электронный ресурс]. ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru/politika/20353143> (дата обращения 17.07.2024).
12. Резолюция СБ ООН №1973. S/RES/1973. [Электронный ресурс]. ООН, 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.08.2024).
13. Саудовская Аравия и Катар платят зарплату солдатам Свободной сирийской армии [Электронный ресурс]. Росбалт, 2012. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/23/996014.html> (дата обращения 13.08.2024).
14. Совет Безопасности ООН заслушает в закрытом режиме доклад по ситуации в Сирии. [Электронный ресурс]. Первый канал, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-05-30/93611-sovet_bezopasnosti_oon_zaslushaet_v_zakrytom_rezhime_doklad_po_situatsii_v_sirii (дата обращения 02.08.2024).
15. Соглашение между правительствами СССР и САР о развёртывании 720-го пункта материально-технического обеспечения ВМФ СССР, 1983 г. – цит. по Сборник международных договоров СССР: Международные договоры СССР, вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1983 г. – Вып. XXXIX – М.: Междунар. отношения, 1985. – 320 с.
16. Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру: многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования / М.С. Ходынская-Голенищева. – М.: Абрис Олма, 2019. – 719 с.
17. Cheriet T. An overview of Russo-Syrian relations June 2014 / T. Cheriet // Working Paper Series. – 2014. – N. 6.
18. Daheshiar H., Heydari M. Analyzing the Russian's interventionist policy in the Syrian crisis / H.Daheshiar., M.Heydari // The Quarterly Journal of Political Studies of Islamic World. – 2021 – Vol. 9, Issue 36. – P. 7-24.
19. Glenn C. Timeline: the Rise, Spread, and Fall of the Islamic State [Электронный ресурс] Wilson Center, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/timeline-the-rise-spread-and-fall-the-islamic-state> (дата обращения 02.08.2024).
20. Members — The Global Coalition to Defeat ISIS. [Электронный ресурс]. U.S. Department of State, 2023. URL: <https://www.state.gov/the-global-coalition-to-defeat-isis-partners/> (дата обращения: 17.07.2024).
21. Operation Inherent Resolve and other Overseas Contingency Operations/ Lead Inspector General Report to the United States Congress, 2018. [Электронный ресурс]. Defense. Gov, 2018. URL: https://media.defense.gov/2019/Feb/04/2002085693/-1/-1/1/FY2019_LIG_OIRREPORT.PDF (дата обращения: 09.08.2024).
22. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern Policy: Regional Ambitions, Global Objectives / W. Rodkiewicz // Warsaw : Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpią / Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2017. — 54 p.

23. Roy A. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis / A. Roy // *International Affairs*. – 2013. – Vol. 89, Issue 4. – P. 796–810.

24. Security Council: 12 years of war, 70 per cent of Syrians needing aid. [Электронный ресурс]. UN News, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/01/1132837> (дата обращения 09.08.2024).

25. Syria Crude Oil Production. [Электронный ресурс]. Trading Economics, 2023. URL: <https://tradingeconomics.com/syria/crude-oil-production> (дата обращения 09.07.2024).

26. Syria: Needs rise amid deepening humanitarian and economic crisis. [Электронный ресурс]. United Nations, 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/12/1131912> (дата обращения: 09.08.2024).

27. Syrian Arab Republic Humanitarian Response Plan 2022-2023. [Электронный ресурс]. OCHA Financial Tracking Service, 2023. URL: <https://fts.unocha.org/plans/1088/summary> (дата обращения 09.08.2024).

28. الإنشائية المساعدات انخفاض ظل في السورية الفعل مساحات. نقوما مناف [Коман М. Направления деятельности в Сирии в условиях сокращения объемов гуманитарной помощи] (на араб.) [Электронный ресурс]. Omran Strategic Studies, 2024. URL: <https://www.omrandirasat.org/الإصدار-ات/الأبحاث/تقدير-الموقف/مساحات-الفعل-السورية-في-ظل-انخفاض-المساعدات-الإنشائية.html> (дата обращения: 21.08.2024).

29. جديد؟ من تتبع هل داعش؛ عند والإيديولوجيا العقيدة [Возрождается ли вновь идеология ИГИЛ?] (на араб.) [Электронный ресурс]. MENA Research Center, 2024. URL: <https://www.mena-researchcenter.org/ar/هل-تن-عند-داعش-والإيديولوجيا-العقيدة-والإيديولوجيا> (дата обращения: 19.07.2024).

30. رالزودير شرقي "الذاتية الإدارة" لنفطصهر يجتستهد، التنظيم "خلايا [Ячейки «Организации» [ИГИЛ] атаковали нефтяной танкер, предназначенный для автономной администрации на территориях восточнее Дейр-эз-Зора] (на араб.) [Электронный ресурс]. Syria Ahr (SOHR), 2024. URL: <https://www.syriaahr.com/خلايا-التن-ظيم-تس-هدف-صهريج/719920-ت-هدف-صهريج/> (дата обращения: 19.07.2024).

DYNAMICS OF RUSSIA'S ENGAGEMENT IN SYRIAN CRISIS SETTLEMENT AND PROSPECTS OF MAINTAINING RUSSIAN PRESENCE IN SYRIA

Based on the study of Russian-Syrian relations through historical methods, Russia's position on counter-terrorism, geopolitical aspects of Russian-Syrian interaction, as well as the actions of the U.S.-led Western coalition in Syria, the article analyzes the main factors of Russia's motivation in making decisions to change the degree of involvement in the Syrian crisis. Both before the end of November 2024, in the conditions of the "fading" conflict, and today Syria faces a number of urgent and acute humanitarian, socio-economic and security problems. At the same time, since 2020, there has been a certain decrease in Russia's profile, which is explained mainly by the fact that the threat to Syria's statehood has been withdrawn. Since December 7-8, 2024, the fall of B. Assad's power, there has been a sharp decline in the degree of Russian engagement in Syrian affairs, but Russia still proceeds from the interests of its own security and builds its policy on the basis of previously elaborated legal foundations of the Syrian settlement. Against the background of weakening Russian positions "on the ground", the terrorist threat emanating from the Syrian territory, as well as security challenges associated with Russia's presence in Syria, are again acute.

Keywords: Syrian crisis, Syria, Russia, Turkey, Iran, USA, countering terrorism.

References

1. Asad podpisal ukaz o nadbavke 100% k zarplatam byudzhetnikam i voennym [Asad signs decree to increase 100% salaries for civil service and military]. TASS, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18526231> (accessed: 09.07.2024).
2. Vstrecha s Sergeem Lavrovym i Sergeem Shoigu 14 marta 2016 [Meeting with Sergey Lavrov and Sergey Shoigu] – President of Russia, 2016. URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/51511> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Vystuplenie i. o. Postoyannogo predstavatelya D.A.Polyanskogo na zasedanii SB OON po politicheskoy i gumanitarnoy situatsii v Syrii [Statement delivered by acting Permanent Representative D.A.Polyanskiy during UN Security Council session on political and humanitarian situation in Syria] Permanent Mission of the Russian Federation to the UN, 2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/syria280824> (accessed: 20.08.2024).
4. Ivanov S.M. Uregulirovanie siriyskogo konflikta — vazhnyi shag na puti k regionalnoy stabilnosti [Syrian conflict settlement as an important step towards regional stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020. V. 64, No 11, s. 53-61.
5. Contseptsiya protivodeystviya terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii ot 05.10.2009 [Counter-terrorism conception of the Russian Federation of 05.10.2009] *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-technicheskikh dokumentov*, 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902180267> (accessed: 29.06.2024).
6. Kuznetsov A.A. O roli islamistskih gruppirovok v grazhdanskoy voyne v Syrii (2011-2014) [Islamists groups' role in civil war in Syria (2011-2014)]. *Postsovetskiy materik*, 2015. N 2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-islamistskih-gruppirovok-v-grazhdanskoy-voyne-v-sirii-2011-2014-gg> (accessed: 12.08.2024).
7. Matveev I.A. *Siria v konflikte* [Syria in conflict], ed. Kuznetsov V.A. FGBUN IV RAN – M.: iv ran, 2020. – 496 s.
8. O vizite Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova i Directora Sluzhby vneshney razvedki Rossii M.E.Fradkova v Damask [Russian Foreign minister S.V.Lavrov and Head of Intelligence M.E.Fradkov visit Damask]. MFA Russia, 2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1653980/ (дата обращения: 12.08.2024).
9. Osuschestvleniye rezolutsiy Soveta Bezopasnosti 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023). *Doklad Generalnogo Sekretarya. S/2023/621* [Implementation of UN Security Council resolutions 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023) Report by Secretary-General. S/2023/621. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4020549?ln=en&v=pdf> (accessed: 09.07.2024).
10. Polyakov D.S. *Siriya v 2023 godu: upadok i nesbyvshiesya nadezhdy* [Syria in 2023: decline and unfulfilled hopes]. Russian Council on International Affairs, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-v-2023-godu-upadok-i-nesbyvshiesya-nadezhdy/> (accessed: 09.07.2024).
11. Putin postavil vopros, pochemu terroristy posle “Krokusa” ehali na Ukrainu [Putin asks why after “Crocus” terrorists were moving to Ukraine]. TASS, 2024. URL:

<https://tass.ru/politika/20353143> (accessed: 17.07.2024).

12. Rezolutsiya SB OON N 1973. S/RES/1973 [UN SC resolution 1973. S/RES/1973. UN, 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement> (accessed: 07.08.2024).

13. Saudovskaya Araviya I Katar platyat zarplatu soldatam Svobodnoy siriyskoy armii [Saudi Arabia and Katar pay salaries to Free Syrian Army soldiers]. Rosbalt, 2012. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/23/996014.html> (accessed: 13.08.2024).

14. Sovet bezopasnosti OON zaslushaet v zakrytom rezhime doklad po situatsii v Sirii [UN Security Council to hear report on Syrian situation behind closed doors]. Pervyi kanal, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-05-30/93611-sovet_bezopasnosti_oon_zaslushaet_v_zakrytom_rezhime_doklad_po_situatsii_v_sirii (accessed: 02.08.2024).

15. Soglasheniye mezhdru pravitelstvami SSSR I SAR o razvertyvanii 720-go punkta materialno-tehnicheskogo obespecheniya VMF SSSR, 1983 g. [Agreement between the Governments of the USSR and the Government of Syria on deployment of 720th material and technical support point of the USSR Naval Forces, 1983]. Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR: Mezhdunarodnye dogovory SSSR, vstupivshie v silu s 1 yanvarya po 31 decabrya 1983 g. – Vol. 39 – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. – 320 s.

16. Khodynskaya-Golenischeva M.S. Syria: trudnyi put' ot voyny k miru: mnogostoronnyaya diplomatiya siriyskogo uregulirovaniya [Syria: difficult way from war to peace: multilateral diplomacy of Syrian crisis settlement]. – M.: Abris Olma, 2019. – 719 s.

17. Cheriet T. An overview of Russo-Syrian relations June 2014 / T. Cheriet // Working Paper Series. – 2014. – N. 6.

18. Daheshiar H., Heydari M. Analyzing the Russian's interventionist policy in the Syrian crisis / H.Daheshiar., M.Heydari // The Quarterly Journal of Political Studies of Islamic World. – 2021 – Vol. 9, Issue 36. – P. 7-24.

19. Glenn C. Timeline: the Rise, Spread, and Fall of the Islamic State . Wilson Center, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/timeline-the-rise-spread-and-fall-the-islamic-state> (accessed: 02.08.2024).

20. Members — The Global Coalition to Defeat ISIS. U.S. Department of State, 2023. URL: <https://www.state.gov/the-global-coalition-to-defeat-isis-partners/> (accessed: 17.07.2024).

21. Operation Inherent Resolve and other Overseas Contingency Operations/ Lead Inspector General Report to the United States Congress, 2018. Defense. Gov, 2018. URL: https://media.defense.gov/2019/Feb/04/2002085693/-1/-1/1/FY2019_LIG_OIRREPORT.PDF (accessed: 09.08.2024).

22. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern Policy: Regional Ambitions, Global Objectives / W. Rodkiewicz // Warsaw : Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia / Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2017. — 54 p.

23. Roy A. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis / A. Roy // *International Affairs*. – 2013. – Vol. 89, Issue 4. – P. 796–810.

24. Security Council: 12 years of war, 70 per cent of Syrians needing aid. UN News, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/01/1132837> (accessed: 09.08.2024).

25. Syria Crude Oil Production. Trading Economics, 2023. URL: <https://tradingeconomics.com/syria/crude-oil-production> (accessed: 09.07.2024).

26. Syria: Needs rise amid deepening humanitarian and economic crisis. United Nations, 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/12/1131912> (accessed: 09.08.2024).

27. Syrian Arab Republic Humanitarian Response Plan 2022-2023. OCHA Financial Tracking Service, 2023. URL: <https://fts.unocha.org/plans/1088/summary> (accessed: 09.08.2024).

28. الإنسانيّة المساعدات انخفاض ظل في السوريّة الفعل مساحات. نقوما مناف [Koman M. Directions of activities in Syria amid decrease of humanitarian aid] (in Arabic). Omran Strategic Studies, 2024. URL: <https://www.omrandirasat.org/-/الإصدارات/الأبحاث/تقدير-الموقف/مساحات-الفعل-السوريّة-في-ظل-انخفاض-المساعدات-الإنسانيّة.html> (accessed: 21.08.2024).

29. جديد؟ من تتبعث هل داعش؛ عند والإيديولوجيا العقيدة [Is ISIS ideology reviving again?] (in Arabic). MENA Research Center, 2024. URL: <https://www.mena-researchcenter.org/ar/هل-تن-عند-داعش-هل-تن-العقيدة-والإيديولوجيا-عند-داعش-هل-تن/> (accessed: 19.07.2024).

30. “The Organization” [ISIS] cells attack tankship with oil for autonomous administration in the territories to the East from Deir-Az-Zour] (in Arabic). Syria Ahr (SOHR), 2024. URL: <https://www.syriaahr.com/719920/الزودير-شرقي-الذاتية-الإدارة-لنفط-صهريجتستهد-التتظيم-خلايا-الذاتية-الإدارة-لنفط-صهريجتستهد-التتظيم-خلايا> (accessed: 19.07.2024).

Об авторе

Семенова Дарья Андреевна – соискатель кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Россия). E-mail: darpakhom@yandex.ru

Semenova Daria Andreevna – post-graduate researcher of MGIMO-University Diplomacy Department (Russia). E-mail: darpakhom@yandex.ru